

Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925-1938 гг.)

Институт троек – одно из самых специфических явлений советской политико-административной системы послереволюционной эпохи. На протяжении двух десятилетий тройки активно исполняли в советской России (СССР) роль тайного политического инструмента подавления противников режима, уголовных и «саботажнических элементов». По своей природе тройки были продуктом социальной революции и гражданской войны. Они олицетворяли особый тип «революционной законности» – параллельное, ускоренное и тайное судопроизводство, сосредоточенное в руках чрезвычайных органов (ВЧК–ОГПУ–НКВД) на период важных политических или хозяйственных кампаний. В истинном смысле тройки вообще не были связаны с какими-либо судебными процедурами. Их основной принцип деятельности – внесудебное рассмотрение дел и вынесение приговоров без формальных процедур.

В советской политической практике внесудебные полномочия для спецслужб (а с ними и первые тройки) появились в начале 1918 г., на основе подготовленного В. И. Лениным декрета СНК РСФСР от 21 февраля под названием «Социалистическое отечество в опасности». Этот декрет наделил органы ВЧК диктаторскими полномочиями, далеко выходящими за пределы политического контроля. В дополнение к первоначальной функции, состоявшей лишь в проведении предварительного следствия (окончательный вердикт должен был выносить военно-революционный трибунал), ВЧК впервые получила право вершить собственное правосудие – «расстреливать на месте контрреволюционеров, шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов, саботажников и прочих паразитов»¹. В ходе дальнейшего развития гражданской войны ВЧК стала превращаться в прямой инструмент политического господства. Особенно активное применение её неограниченных полномочий распространялось в районах боевых действий и прилегающих к ним территорий. Так, в частности, декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. был введен особый порядок рассмотрения дел о правонарушениях в мест-

¹ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 95–96.

ностях, объявленных на военном положении. Этим декретом были изъяты из общей подсудности 10 видов преступлений, включая «принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти», государственную измену, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов», и введено по ним чекистское «право непосредственной расправы (вплоть до расстрела)»². В октябре 1919 г. декретом СНК РСФСР из общей подсудности были выведены все дела о крупной спекуляции товарами и продуктами, дела о должностных преступлениях, взятках, хищениях и подлогах. Для их рассмотрения при ВЧК учреждался «особый революционный трибунал» из трех лиц (председатель и два члена), который «в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства»³. На основании декрета ВЦИК от 18 марта 1920 г. прерогативой органов ВЧК стало также право заключать в лагеря принудительных работ на срок до 5 лет нарушителей трудовой дисциплины (дезертиров) и «паразитические элементы», в отношении которых не было установлено достаточных оснований для преследования в обычном порядке⁴.

Огромное расширение полномочий ВЧК и поля применения внесудебных процедур привели к созданию внутри спецслужб особой структуры, ответственной за вынесение приговоров. Так появились тройки. Первая из них – тройка ВЧК – была образована в начале 1918 г. в составе Ф. Э. Дзержинского, В. А. Александровича и Я. Х. Петерса⁵.

После завершения гражданской войны тройки периодически реанимировались для проведения целого ряда «спецопераций». Они просуществовали до конца 1938 г., а их аналог – Особое совещание при НКВД–НКГБ–МГБ – до апреля 1953 г.⁶ В зависимости от решаемых властью задач тройки имели разное назначение. В середине 1920-х

² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 299.

³ Там же. С. 331–332.

⁴ Там же. С. 379.

⁵ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Несудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.- Жуковский, 2006. С. 23.

⁶ Попытка представить обобщённую картину использования троек и ОСО в советской репрессивной политике содержится в работе: Мозохин О. Б. Право на репрессии: Несудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.- Жуковский, 2006. Однако научная ценность этой книги в основном ограничивается статистическим приложением, содержащим сведения об арестах и приговорах за 1921–1953 гг. Вместе с тем, статистика, введённая в оборот Мозохиным, также содержит серьезные искажения.

годов их функция состояла в оперативном подавлении уголовного бандитизма, минуя формальные судебные процедуры. С 1929 г. масштаб их деятельности существенно возрос: они стали использоваться для ускоренного вынесения приговоров большим группам сопротивлявшихся «кулаков» и массе уголовных элементов, появившихся в результате коллективизации и бегства крестьян из сельской местности. Но самую значительную роль они сыграли в период Большого террора 1937–1938 гг.

В Сибири, как и в других частях страны, появление чекистских троек было непосредственно связано с событиями гражданской войны. Первое время, однако, никакого общего порядка в процессе их организации не существовало. В течение декабря 1919–1921 гг. в обстановке междоусобной социальной войны, «революционное правосудие» в крае вершила любая организованная группа сторонников советской власти, имевшая оружие. Процедуры дознания, судопроизводства и исполнения приговоров не расчленились; они были отданы в распоряжение органов «пролетарской диктатуры» и самостоятельно определялись в ревкомх, партячейках, отделениях милиции, губернских чека или отрядами Красной Армии. Сам процесс применения «революционного закона» обычно исчерпывался понятием «ликвидация». Постепенно важнейшие карательные функции стали концентрироваться в органах ВЧК, главным образом в руках узкой группы лиц, составлявших коллегию губчека (или Сибчека) из трех-четырех человек, которая исполняла функцию высшей судебной инстанции для большинства арестованных.

Тройки в органах ВЧК Сибири впервые стали действовать в начале 1921 г., в ходе широко развившегося стихийного повстанческого движения крестьян против советской власти. Современные исследователи событий, связанных с западносибирским восстанием начала 1920-х годов, смогли установить, что в подавлении массового крестьянского протеста «чрезвычайные тройки» ВЧК играли самую активную роль. Тройки создавались специально для оперативного вынесения суровых приговоров и действовали в составе губернских чека, а также при полномочном представительстве ВЧК в Сибири во главе с И. П. Павлуновским⁷. Документальные примеры свидетельствуют о том, что карательные вердикты троек этого времени сводились в основном к массовым расстрелам. Так, 23 февраля 1921 г. чрезвычайная тройка полномочного представительства ВЧК (ПП ВЧК) вынесла при-

⁷ Сибирская Вандея. Том второй. 1920–1921 / Сост. и ред. В. И. Шишкин. М., 2001. С. 179.

говор жителям станицы Николаевская Омского уезда по обвинению в причастности к антиправительственному восстанию: 30 из них были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены⁸.

Переход к новой экономической политике установил более узкие пределы параллельной системе террора. Деятельность троек в Сибири была прекращена. Все дела о преступлениях политического или государственного характера (антисоветская агитация и контрреволюционная деятельность, нелегальные валютные операции, контрабандная торговля, переход государственной границы и др.), передавались теперь в Коллегию ГПУ-ОГПУ. Возрождение троек неожиданно произошло в конце 1925 г.

16 октября 1925 г. по постановлению ЦИК СССР Сибирь была объявлена «районом неблагополучным по бандитизму». Как сообщила краевая прокуратура, «в отдельных углах Сибири бандитские шайки представляли собой единственную грозную власть», необузданность которой наносила серьезный урон крестьянскому населению⁹. Для эффективной борьбы с этим злом у властей не оказалось необходимых правовых ресурсов: из-за режима экономии милиция имела малочисленный аппарат и слабое материальное оснащение, прокуратура и судебная система были неразвиты. В этих условиях основную ставку в защите закона и общественного порядка режим вновь сделал на вооруженные отряды спецслужб и внесудебные преследования. Специальным распоряжением ОГПУ от 16 декабря 1925 г. (телеграмма № 240894/5647/ш) ПП ОГПУ Сибирского края получило право создать тройку для вынесения вердиктов по делам о бандитизме¹⁰. В её состав вошли: ПП ОГПУ И. П. Павлуновский (председатель), его зам. – Б. А. Бак и от краевой прокуратуры Сибири – А. М. Пачколин (позднее – прокурор П. Г. Алимов или его заместитель Долгов). Материалы к заседаниям готовились в структурах ОГПУ, а прокурор давал санкцию на исполнение приговора – «Согласен». Тройка начала действовать с 3 ноября 1925 г. Она выносила вердикты небольшим группам уголовных преступников по 5–6 чел. (иногда до 15–20 чел., но каждому пер-

⁸ Шишкин В. И. Политика советской власти по отношению к повстанцам Западной Сибири в 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2006. № 2. С. 10.

⁹ ГАНО. Ф.Р. 20. Оп.2. Д. 19. Л. 91.

¹⁰ ГАНО. Ф.Р. 20. Оп. 2. Д. 15, 18.

сонально) на основании ст. 76, ч. II УК РСФСР¹¹. Спектр наказаний выражался в нескольких видах санкций: расстрел, изоляция в концлагерь на срок два или три года и высылка на два-три года в Тарский округ, Туруханский или Нарымский край. Наиболее часто осуждённые тройкой приговаривались к ВМН и трем годам лишения свободы. В редких случаях выносилось постановление – «дело прекратить». К февралю 1926 г. общее число осуждённых тройкой составило 1 605 чел., из них 752 чел. (47 %) были приговорены к высшей мере¹².

Статус внесудебной коллегии при ПП ОГПУ не был постоянным. К концу 1926 г. вместо первоначальной тройки приговоры уголовным преступникам выносились уже от имени одного лица – «особо уполномоченного ОГПУ по Сибири» Л. М. Заковского (он же – полпред ОГПУ по Сибири с февраля 1926 г.) – с заверительной подписью прокурора. А протоколы тройки стали именоваться «постановлением особо уполномоченного». Такое упрощение в делопроизводстве свидетельствует, что в операции по борьбе с бандитизмом не придавалось особого значения формальным процедурам.

Совокупные итоги внесудебного рассмотрения дел в ПП ОГПУ Сибири в период кампании борьбы с бандитизмом представлены в таблице 1.

Таблица 1*

Статистика приговоров тройки и особо уполномоченного
ПП ОГПУ Сибири за 1925–1928 гг.

Приговоры	1925	1926	1927	1928
ВМН	496	283	652	130
Заключение в концлагерь	438	100	419	114
Высылка	–	46	280	31
Ссылка	–	266	–	7
Всего:	934	695	1 351	282

*Составлено по: Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.- Жуковский, 2006. С. 262, 266, 272, 279. Сведения Мозохина не совпадают с первичными данными тройки ПП ОГПУ по Сибири. Так, согласно протоколам тройки за ноябрь 1925 – январь 1926 гг., общее число приговорённых составило 705 чел., включая 152 приговорённых к высылке. Об этих данных докладывал в ОГПУ и зам. ПП ОГПУ по Сибири Б. А. Бак. (Архив УФСБ по НСО. Том: Постановления и Протоколы тройки ПП ОГПУ по Сибири. Л. 1).

¹¹ Архив УФСБ по НСО. Том: Постановления и Протоколы тройки ПП ОГПУ за 1925–1926 гг. (Без нумерации).

¹² Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири 1918–1929 гг. М., 2007. С. 201–202.

Таким образом, с 1925 г. тройка ПП ОГПУ стала играть важную самостоятельную роль квазисудебного карательного органа в борьбе с уголовной преступностью в Сибири. Её деятельность приобрела систематический характер. Пик активности тройки периода нэпа пришелся на 1927 г., когда её приговоры были вынесены в отношении 1 351 преступников, из которых 652 чел. (48,3 %) приговорили к расстрелу. По содержанию протоколов тройки отчетливо прослеживаются общие изменения в политике режима. Уже в начале 1928 г. тройка начала выносить приговоры «кулакам». Этого, в частности, требовала телеграмма Г. Г. Ягоды от 7 февраля 1928 г. в полномочное представительство ОГПУ по Сибири. В ней говорилось: «Согласно положения, при ПП существует тройка, где поставьте дела кулаков и спекулянтов-хлебников. Протоколы вышлите для санкции ОГПУ»¹³.

С 1929 г. политические перемены в стране дали новый импульс расширению внесудебных процедур. Первые же заседания сибирской тройки ОГПУ (протокол № 1 от 1 февраля 1929 г.) свидетельствуют о том, что её положение и статус изменились. Масштабы деятельности тройки кратно возросли, карательные функции политизировались. Тройка превратилась в главное средство расправы с новыми противниками режима – кулаками, священниками, нарушителями государственной хлебной монополии. Меняется и состав самой тройки. С этого периода число её постоянных членов – работников ПП ОГПУ – увеличивается до трех человек (Л. М. Заковский – председатель, члены – нач. секретного отдела ПП ОГПУ П. М. Кузьмин и зам. ПП ОГПУ И. Б. Лернер, в качестве замены – Г. А. Лупекин или А. К. Залпетер), а представитель надзора (краевой прокурор И. Д. Кунов или его помощники) ставил свою подпись не под грифом «согласен», а как «присутствующий»¹⁴.

Политика «перелома» 1929 г. породила не только интенсивный рост «контрреволюционных преступлений». Прямым её следствием стало также расширение масштабов уголовного бандитизма. Вытеснение из деревни тысяч кулацких семей, разорение многих хозяев и бегство крестьян из колхозов создали питательную почву для появления разбойничьих шаек, распространения бандитизма, грабежей,

¹³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОСПЭН, 1999. С. 206.

¹⁴ Архив УФСБ по НСО. Том: Протоколы тройки ПП ОГПУ за 1929–1930 гг. См. также: *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф? 2008/

уличного хулиганства. В этих условиях вновь был поставлен вопрос о расширении роли чекистской тройки. 7 августа 1929 г. на совещании при прокуратуре Сибкрая, где обсуждался вопрос о борьбе с преступностью, его участники приняли решение ввести внесудебный порядок рассмотрения дел о бандитизме «по мотивам обострения классовой борьбы». Спустя месяц – 6 сентября 1929 г. – полпредство ОГПУ Сибири по согласованию с краевой прокуратурой разослало в местные инстанции распоряжение об изъятии всех этих дел из органов следствия и суда и передаче их в структуры ОГПУ¹⁵.

Но дальнейшее вмешательство чекистов в традиционное правосудие и расширение их внесудебных полномочий встретили настойчивый протест со стороны естественных защитников права. Это были работники краевого суда. 12 сентября 1929 г. по инициативе председателя Сибкрайсуда Веденяпиной было направлено письмо наркомю юстиции Н. М. Янсону, в котором эскалация внесудебного порядка в Сибири характеризовалась как немотивированный шаг и переход к чрезвычайным мерам. Веденяпина писала, что «уменьшение из года в год количества банд с одновременным уменьшением количества грабежей» свидетельствуют о вполне эффективной карательной политике окружных судов. На этом основании она просила наркома «принять зависящие меры к отмене фактически уже введенного, но пока ещё не совсем оформленного порядка внесудебного рассмотрения дел о бандитизме»¹⁶. Но позиция судебных работников поддержки не получила. Руководство страны расценило положение в Сибири как угрожающее и потребовало расширить систему параллельного правосудия. 18 октября 1929 г. на совещании в Москве с участием представителей нескольких ведомств было принято решение «признать Сибирский край неблагополучным по бандитизму, для борьбы с которым, в порядке секретного постановления ЦИК СССР от 9 мая 1924 г., создать специальную тройку для внесудебного рассмотрения дел [...] сроком на три месяца». 26 октября 1929 г. это решение было оформлено в виде постановления СНК РСФСР и вступило в силу¹⁷.

Тройка ПП ОГПУ Сибкрая действовала фактически весь 1929 г. По данным исследователя А. Г. Теплякова только за вторую половину этого года чекистский аппарат репрессировал 6.319 «кулаков»¹⁸. Свои

¹⁵ ГАНО. Ф.Р. 47. Оп. 5. Д. 30. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 31 об.

¹⁷ Там же. Л. 46, 49.

¹⁸ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»... С. 225.

карательные постановления (протоколы №№ 1–54) тройка принимала до конца декабря, а затем, не прерывая нумерации заседаний, возобновила «работу» 3 января 1930 г. в прежнем составе (Л. М. Заковский, В. Н. Гарин и Г. А. Лупекин (или А. К. Залпетер) с участием прокурора Старошук).

С января 1930 г. в истории советского «чекизма» и его особых полномочий открылась новая важная страница. С того момента, как партия начала приводить в действие план решающего «удара по кулаку» (постановление Политбюро от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»), значение карательного аппарата ОГПУ и внесудебных процедур резко возросло. В деятельности троек наступил один из самых горячих периодов. 31 января 1930 г. на расширенном заседании коллегии ОГПУ, в соответствии с постановлением Политбюро, был принят план чекистских действий по «ликвидации антисоветских и кулацких элементов». Среди прочих он включал следующие пункты. «Дела на лиц, входящих в первую категорию [«контрреволюционный кулацкий актив» – С. П.], рассматриваются во внесудебном порядке тройками ПП ОГПУ с представителями от крайкома и прокуратуры. Тройки в ПП ОГПУ создать немедленно. Состав тройки выслать на утверждение коллегии ОГПУ. Постановления тройки ПП ОГПУ о конфискации имущества и выселении семей осуждённых оформляются через окрисполкомы»¹⁹. Для проведения массовой операции «по кулакам второй категории» (выселяемых) требовалось также организовать оперативные тройки «для руководства операцией во всей её совокупности», а в окротделах ОГПУ – «аналогичные оперативные группы во главе с начальником отдела ОГПУ». На самом нижнем уровне ставилась задача создать «специальные районные оперативные группы».

2 февраля 1930 г. план массовой «кулацкой операции» был утвержден в форме приказа ОГПУ № 44/21 с ориентировочными квотами, установленными в Политбюро для каждого региона СССР. Для Сибири утверждались такие лимиты: 5–6 тыс. человек арестовать, заключить в концлагеря либо расстрелять; 25 тыс. семей депортировать в ссылку. Кроме того, Сибирь должна была принять 44 тыс. семей из Средне-Волжского, Нижне-Волжского краев и БССР²⁰. Харак-

¹⁹ Трагедия советской деревни. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОСПЭН, 2000. С. 153.

²⁰ Там же. С. 127, 16–165.

терно, однако, что план массовой операции этого периода не предусматривал лимитов на расстрелы. Был ли тут расчет на дополнительные инструкции, устные договоренности или, может быть, руководство страны надеялось на «разумную инициативу» местных органов ОГПУ и их троек? – не вполне понятно. Ясно лишь, что тройки должны были стать основным механизмом «ликвидации кулацких элементов».

В операции с участием троек в 1930 г. присутствовала ещё одна отличительная черта, не свойственная кампании 1937–1938 гг. Она выражалась в стремлении прикрыть вакханалию чекистского «правосудия» авторитетом «высшего органа советской власти», т. е. «узаконить» предстоящие внесудебные расправы посредством легального решения. Камуфлирующим «законным» актом стало секретное постановление Президиума ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г. Оно гласило: «Предоставить ОГПУ право на время проведения кампании по ликвидации кулачества передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ (полномочным представителям ОГПУ) краев и областей, с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел производилось с участием представителей крайисполкомов (облсполкомов) и прокуратуры»²¹. О сроках самой «кампании ликвидации» постановление ЦИК ничего не сообщало.

По мере того, как изменялся весь социально-политический контекст развития СССР и расширялась роль государства, круг троек становился разнообразнее. С октября 1930 г. в результате разделения Сибирского края (на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края) в Иркутске начала действовать ещё одна тройка – при ПП ОГПУ ВСК во главе с Я. П. Зирнисом. А с 1932 г. тройки организуются при дорожно-транспортных отделах (ДТО) ПП ОГПУ и региональных управлениях погранвойск ОГПУ. Наконец в 1933 г., с введением паспортного режима в стране, при полномочных представительствах ОГПУ были учреждены «милицейские» тройки, целью которых являлось вынесение массовых приговоров лицам с криминальным прошлым или связанных с криминальным миром, ведущим бродяжнический образ жизни, бездомным, уклоняющимся от паспортизации и прочим так называемым «паразитическим элементам».

Система параллельного террора стала представлять собой основной тип государственного «правосудия» по важнейшим уголовным делам. По одним и тем же видам преступлений количество пригово-

²¹ Трагедия советской деревни... С. 174.

ров выносимых тройками в несколько раз превышало объемы аналогичной судебной работы краевых судов. В Восточносибирском крае, например, с октября 1930 г. по апрель 1931 г. за «контрреволюционные преступления» было привлечено в судебном порядке 386 чел., во внесудебном – 3 151 чел., т.е. в восемь раз больше²².

Как орган ускоренного рассмотрения дел и немедленного вынесения желаемого приговора, тройка, безусловно, представляла для властей самый удобный способ расправы с негодными элементами. В отличие от суда, её «работа» не была связана с соблюдением законных регламентов и осуществлялась конспиративно. Кроме того, тройка всегда была под рукой, так как её председатель (полпред ПП ОГПУ) непременно входил в состав руководящей партийной верхушки – бюро крайкома (обкома) ВКП(б). Однако после 1930 г. использовать тройку для главной цели – вынесения приговоров к казни – можно было лишь с санкции из Москвы. Санкция обычно поступала в виде особого приказа ОГПУ, либо секретного постановления Политбюро, либо того и другого вместе. Инициатива, как правило, выдвигалась с мест, от руководителей партаппарата, которые желали получить особые полномочия для себя или своих подручных.

Так, 28 марта 1933 г. из Новосибирска Сталину была направлена шифро-телеграмма секретаря крайкома Р. И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф. П. Грядинского, сообщавшая: «В связи с раскрытием ПП ОГПУ ряда повстанческих и белогвардейских организаций, по которым привлечены свыше 3 000 человек, в целях быстрого и решительного удара по контрреволюционным элементам, срывающим весенний сев, - крайком поставил перед ОГПУ вопрос о предоставлении тройке ПП ОГПУ полных судебных прав. Крайком просит дать ОГПУ необходимые указания»²³. Суть проблемы, как обычно, выражалась посредством эвфемизмов. Уже на следующий день, 29 марта, был подготовлен ответ Политбюро: «Предоставить право рассмотрения дел по повстанчеству и контрреволюции в Западной Сибири тройке ПП ОГПУ Западной Сибири. Секретарь ЦК»²⁴. Политбюро все же старалось контролировать применение казней мест-

²² ЦДНИ Иркутской области. Ф.123. Оп. 1. Д. 119. Л. 247.

²³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 44. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 1. Это решение было утверждено на заседании Политбюро 4 апреля 1933 г. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. М., 2003. С. 426.

ными тройками или, по крайней мере, создавало видимость такого контроля. 10 мая 1933 г. оно вынесло решение: «Запретить тройкам ОГПУ в республиках, краях и областях (кроме ДВК) выносить приговора о ВМН». Но запрет продержался недолго. В связи с тем, что ОГПУ в этот период проводило в Сибири интенсивную кампанию чистки колхозов от «вредителей» и одновременно принимало в ссылку тысячи деклассированных элементов из регионов СССР, в июле 1933 г. (по телеграфному запросу Эйхе) расстрел был вновь возвращён в тройку. Решение Политбюро гласило: «Предоставить тройке ПП ОГПУ Западно-Сибирского края, под личным председательством полномочного представителя, право применения высшей меры социальной защиты в отношении бандитских элементов, терроризирующих местное население и уже осевших трудпоселенцев»²⁵.

С июля 1932 по 1934 г. в заседаниях тройки ПП ОГПУ Запсибкрая регулярно участвовал представитель партийной власти. Эту миссию выполнял один из руководителей отдела крайкома ВКП(б) – С. А. Шварц, реже – А. А. Токарев, М. И. Ковалев и Н. Н. Кузьмин. Сухие протокольные записи не позволяют установить какую роль представитель партии призван был исполнять на тройке и была ли у него вообще какая-либо роль. Единственное объяснение состоит в том, что ходе «ликвидации кулаков» жертвами ОГПУ неизбежно оказались многие сельские коммунисты, и их судьбу на тройке следовало решать с учётом мнения крайкома ВКП(б).

О масштабах использования троек в репрессивных акциях в Сибири в начале 1930-х годов можно судить по данным таблицы 2.

Массированная атака на крестьянство на рубеже 1920-х – 1930-х годов породила длительную и интенсивную фазу чекистского «правосудия». В 1930 г. было достигнуто максимальное участие троек в репрессивной кампании. В течение трёх последующих лет (1931–1933) масштаб деятельности троек в Сибири снизился в несколько раз, но всё же оставался значительной величиной – от 3,5 до 8 тыс. приговорённых в год. Другой характерной чертой начала 1930-х годов была очень высокая доля приговоров к смертной казни: 28,8 % приговорённых – в 1930 г. и 50 % – в 1931 г.

²⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп.73. Д. 47. Л. 1; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. В. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: «АИРО–XX», 1995. С. 63, 64.

Таблица 2*

Динамика приговоров троек ОГПУ в Сибири 1930–1934 гг.

Приговоры троек	ВМН	ИТЛ	Ссылка и высылка	Другие меры наказания	Всего
1930 год					
ПП ОГПУ Запсибкрая	4 762	8 576	3 215	-	16 553
ПП ОГПУ Востсибкрая	187	378	79	144	788
ГПУ Якутии	178	80	67	86	411
По всей Сибири	5 127	9 034	3 361	230	17 752
1931 год					
ПП ОГПУ Запсибкрая	1 368	800	111	-	2 279
ПП ОГПУ Востсибкрая	338	316	477	-	1 131
ГПУ Якутии	-	-	-	-	нет св.
По всей Сибири	1 706	1 116	588	-	3 410
1932 год					
ПП ОГПУ Запсибкрая	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	2 589
ПП ОГПУ Востсибкрая	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	3 977
ГПУ Якутии	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	153
ДТО Томской ж.д.	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	293
ДТО Омской ж.д.	нет св.	-	нет св.	-	224
Органы ОГПУ погранвойск					
- Запсибкрая	нет св.	-	-	-	-
- Востсибкрая	нет св.	-	нет св.	нет св.	784
По всей Сибири					8 020
1934 год (до 10 октября)					
ПП ОГПУ Обско-Иртышской области	-	-	-	-	107
ПП ОГПУ ЗСК	-	-	-	-	3 202
ПП ОГПУ ВСК	-	-	-	-	2 343
ГПУ Якутии	-	-	-	-	18
По всей Сибири	-	-	-	-	5 670

*Составлено по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОСПЭН, 2000. С.809; Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.- Жуковский, 2006. С. 287, 294, 302–307, 315. Некоторые разделы статистики Мозохина использовать практически невозможно из-за неполноты и грубых искажений подсчетов. Так, данные об осуждённых за 1931 г. сведены неверно – итоговые цифры включены в графу «прочие обвинения»; данные о приговорах по регионам СССР за 1932 г. включены в графу «ВМСЗ»; пропущены сведения по тройкам ПП ОГПУ ЗСК и ВСК за 1933 г. и т.д. На эти же недостатки указывает также А. Тепляков. (См. его работу: Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 11, 344–345).

В июле 1934 г. в результате реорганизации ОГПУ и образования НКВД тройки были упразднены. 10 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление, которое значительно сократило сферу политического произвола. Согласно этому решению дела о государственных преступлениях и преступлениях против порядка управления, ранее проходившие через тройки, передавались в специальные коллегии краевых (областных) судов²⁶. Право на вынесение внесудебных приговоров было сохранено только за Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР. ОСО становилось также единственной инстанцией для вынесения приговоров по делам, поступавшим от местных органов – областных (краевых) и республиканских управлений НКВД. Таким образом, после четырех лет импульсивной политической импровизации институт троек должен был уступить место узаконенным судебным процедурам.

Но советская реальность часто не совпадала с политическим замыслом. Тройки, как и другие чрезвычайные инструменты диктатуры, вошли в самую ткань государственного управления, стали составной частью административного механизма в СССР. Поэтому в повседневной практике возвращение к ним не являлось чем-то необычным, противоречащим действующим политическим нормам. Сам характер советской политики и масштабы её последствий просто не позволяли быстро покончить с внесудебной системой, переведя её на рельсы традиционного правосудия. Как, в самом деле, власти могли совладать с проблемой десятков или, может быть, сотен тысяч «деклассированных элементов» – нищих и бродяг, обитателей притонов и участников воровских шаяк, малолетних правонарушителей и других представителей социального «дна», ежедневно совершавших множество криминальных поступков и уклонявшихся от общественно-полезного труда? Для преодоления такого рода трудностей у властей не было ни ресурсов, ни соответствующих правовых институтов. Поэтому восстановление деятельности троек НКВД для этой категории маргиналов представлялось совершенно необходимым.

В мае 1935 г. по приказу НКВД СССР № 00192 были реанимированы так называемые «милицейские тройки». Их компетенцией являлось ускоренное вынесение приговоров (с наказанием не более 5 лет лишения свободы) уголовникам и «деклассированным», выловленным в городах и посёлках в ходе милицейских рейдов и спецопераций по проверке паспортного режима²⁷. Решения тройки направлялись на утверждение в

²⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 64.

²⁷ См. об этом работу немецких авторов М. Юнге и Р. Биннера: От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка

ОСО при НКВД. В Западной Сибири в 1935–1938 гг. такая тройка действовала в составе начальника УНКВД или его заместителя, двух руководителей милиции края (области) и работника прокуратуры (В. А. Каруцкий, А. К. Залпетер, И. А. Мальцев, М. М. Подольский, З. И. Рабинович, Л. Б. Грановский, А. К. Альтберг, А. Г. Хайт, Н. Н. Телятников и др.)²⁸.

1937–1938 гг. для советских карательных спецслужб стали самым важным (по объему полномочий и степени воздействия на общество) и самым необычным (по последствиям для самих органов НКВД) этапом в их истории. Именно в этот период тройки НКВД обрели в общественном сознании свое нарицательное значение как высшая форма государственного произвола, олицетворявшая конвейерный способ уничтожения сотен тысяч советских людей. Использование троек в ходе массовых операций НКВД в эти годы существенно отличалось от кампаний предшествующих лет. Во-первых, в состав троек впервые были введены секретари партийных организаций республик, краев и областей (в ряде случаев – председатели исполкомов). В 1930–1934 гг. полномочия партийных руководителей в этой области имели ограниченный характер: секретари лишь получали информацию о приговорах троек. Только некоторые из них (как Эйхе в 1930 и 1934 гг.) наделялись ещё и привилегией утверждать смертные приговоры, выносимые в краевом суде (но не на тройке). Теперь же партийные руководители должны были ставить свои подписи на протоколах наравне с начальником УНКВД и прокурором. Этот шаг придавал деятельности троек явный политический характер, а также позволял разделить ответственность за развязанный террор между всеми его участниками²⁹.

советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447.- М., РОСПЭН, 2009. С. 459–518.

²⁸ Архив УФСБ по НСО. Том: Протоколы тройки УНКВД ЗСК за 1935–1936 гг. (Без нумерации). История «милицейских троек» – специфическая и совершенно неизученная область, требующая особого внимания исследователей. В данной статье деятельность этих троек не рассматривается.

²⁹ Генерал-полковник К. А. Павлов, бывший председатель тройки УНКВД Крымской АССР, позднее – зам начальника ГУЛАГ НКВД, застрелившийся в мае 1957 г., в предсмертной записке так выразил свое понимание роли партийных секретарей в составе троек: «...В органах госбезопасности создаются лимиты на аресты... люди ещё живут, а на них спущены смертные лимиты и дел-то ещё никаких нет... И вот начинают арестовывать, расстреливать, а чтобы секретари ЦК, крайкомов, обкомов молчали – их вводят в состав «троек». И опять – безмолвие, никто ни слова. Арестовывают, стреляют – кругом молчание...». (Цит. по: *Пожаров А. И.* Из истории орга-

Во-вторых, повседневная «работа» троек 1937–1938 гг. систематически контролировалась и направлялась из Москвы. На каждой стадии массовой операции (обычно – по «пятидневкам») председатели троек докладывали руководству НКВД (Н. И. Ежову или М. П. Фриновскому, а через них – Сталину и Политбюро) об исполнении лимитов и с санкции Политбюро получали новые задания. Партийные руководители при этом часто выступали в роли агентов НКВД, просивших Сталина об увеличении лимитов. Так, 20 октября 1937 г. на заседании Политбюро было принято решение: «Утвердить предложение Алтайского крайкома ВКП(б) об увеличении количества репрессированных контрреволюционных элементов по Алтайскому краю по 1 категории 4 тыс. чел. и по 2 категории – 4 500 чел.». Аналогичные решения принимались также по запросам Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (21 октября 1937 г.), Читинского обкома (16 апреля 1938 г.), Красноярского крайкома (16 марта и 28 апреля 1938 г.), Иркутского и Омского обкомов (29 апреля и 10 мая 1938 г.) и других³⁰.

В-третьих, высокая степень централизованного бюрократического контроля явилась причиной формирования вокруг троек громадных объёмов особого делопроизводства. Ни в одной другой террористической кампании не было столь тщательного и детального оформления массовых квазиследственных материалов, как в 1937–1938 гг. В нагромождении политической лжи сталинское руководство достигло в этот период невероятных вершин.

Наконец необычным был сам масштаб операции. Размах социальной чистки оказался настолько велик, что потребовал от троек чрезвычайной активности и выполнения огромного объёма формализованных процедур: составления десятков тысяч следственных дел, заполнения массы томов протоколов с приговорами, представления в центр разнобразной отчетности. Виду того, что тройки обслуживали практически одновременно несколько репрессивных кампаний – по «кулакам», «эсерам», «РОВС», «ПОВ», уголовникам, «церковникам», латышам, «харбинцам» и «перебежчикам»³¹ – деятельность их не могла быть чем-то иным, кроме кампании поточного производства.

нов безопасности России (1930–1950-е годы). // Отечественные спецслужбы. 1917–2006 годы. Материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2007. С.163.

³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 383, 384; Т. 5. Кн. 2. С. 68, 70, 71.

³¹ Содержание этих операций НКВД описано в многочисленных работах. Более подробно см.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

Правила, по которым могли создаваться и выносить свои решения тройки, содержались в известном приказе Наркома Внутренних Дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»³². Приказ утверждал персональный состав троек для 68-ми регионов СССР и устанавливал определённый регламент проведения заседаний. Тройкам поручалось рассматривать материалы в отдельности на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую семью, подлежащую выселению; выносить приговоры персонально; использовать право «относить лиц, намеченных к репрессированию по 2-й категории – к 1-й категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – ко второй». «Протоколы троек по исполнению приговоров немедленно направлять начальнику 8 отдела ГУГБ НКВД СССР».

Таблица 3

Персональный состав троек НКВД в Сибири в 1937–1938 гг.

Край (область)	Начальники УНКВД – председатели троек и их помощники	Секретари крайкомов (обкомов), Пред. исполкомов	Прокуроры
Западно-Сибирский край – Новосибирская обл.	С. Н. Миронов, Г. Ф. Горбач, И. А. Мальцев	Р. И. Эйхе, И. И. Алексеев	И. И. Барков, И. Д. Новиков, А. В. Захаров
Алтайский край	С. П. Попов	Л. Н. Гусев	Н. Я. Поздняков
Омская обл.	С. В. Здоровцев, Я. П. Нелиппа, Г. Ф. Горбач, К. Н. Валухин, З. А. Волохов	Д. А. Булатов, С. И. Евстигнеев, В. К. Фомин, Ф. П. Наумов, З. Г. Симанович	Красавин
Красноярский край	Ф. А. Леоннок, З. И. Рабинович, В. С. Булачев, Д. Д. Гречухин, А. П. Алексеенко, А. С. Блинов	А. А. Филиппов, С. М. Соболев	М. Д. Горчаев
Восточно-Сибирский край – Иркутская обл.	Г. А. Лупекин, Я. Д. Южный, П. К. Грязнов, Б. А. Мальшев, Василькиоти	Юсуп Хасимов, А. С. Щербаков, К. И. Филиппов	Востоков
Читинская обл.	Г. С. Хорхорин	И. В. Муругов	А. А. Макарчук, В. П. Беликов
Бурят-Монгольская АССР	П. П. Бабкевич, В. А. Ткачев	С. Д. Игнатьев, Д. Д. Доржиев	А. И. Гросс

³² См.: Трагедия... Т. 5. Кн. 1. С. 330-337.

Организация троек в Сибири началась до официального развертывания основной кампании приказа 00447. По специальному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 г. первой в СССР была учреждена тройка Западно-Сибирского края, в которую вошли начальник УНКВД С. Н. Миронов, секретарь крайкома Р. И. Эйхе и краевой прокурор И. И. Барков³³. В других регионах страны тройки развернули свои действия с августа 1937 г. Их персональный состав в период всей массовой операции представлен в таблице 3.

Тройка УНКВД Запсибкрая стала не только первой из всех. По некоторым направлениям ей предстояло также сыграть особенную роль в планируемой чистке. Прежде всего на неё возлагались наибольшие объёмы внесудебного рассмотрения, поскольку деятельность её была связана с крупнейшим регионом Сибири – Запсибкраем (с октября 1937 г. – Новосибирской областью, включающей три современные области Сибири), где имелись крупные города (Новосибирск, Томск, Барнаул, Кемерово, Сталинск), огромная «кулацкая ссылка» (Нарымский край) и разветвлённый лагерный комплекс (Сиблаг). Кроме того, план ликвидации «кулацко-уголовных элементов» (приказ № 00447) для неё был дополнен ещё и планом уничтожения в регионе «ровсовского подполья» – особой программой целенаправленной и полномасштабной чистки бывших участников Белого движения, служащих старого госаппарата, членов различных партий, служителей религиозного культа и др. Именно с операции по «делу РОВС» началась деятельность тройки ЗСК. «Ровсовская» составляющая предопределила особую форму учета и отчетности тройки в ходе всей массовой операции. Данные о приговорах «по делу РОВС» в органах НКВД учитывались отдельной строкой, как дополнение к статистике приговоров по приказу № 00447. Кроме того, для операции Политбюро первоначально выделило Запсибкраю отдельный лимит на репрессирование по первой категории (расстрел) 10 800 чел.³⁴

³³ Трагедия... Т. 5. Кн. 1. С. 258.

³⁴ О лимите в операции РОВС для Западно-Сибирского края сообщал начальник УНКВД по ЗСК С. Н. Миронов на оперативном совещании в Новосибирске 25 июля 1937 г., а также зам. начальника УНКВД по ЗСК А. И. Мальцев в октябре 1937 г. (См.: *Боль людская. Книга памяти томичей репрессированных в 30–40-е и начале 50-х.* / Сост. В. Н. Уйманов. / Томск, 1999. Т.5. С. 110–111; а также: *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «большим». М., 2003. С. 83; и ещё: *Трагедия... Т. 5. Кн. 1. С. 377).*

Операция же по «линии РОВС» стала проводиться вне рамок каких-либо лимитов³⁵.

Располагая полной статистикой протоколов тройки УНКВД Западной Сибири и Новосибирской области за 1937–1938 гг.³⁶ можно установить несколько особенностей этого источника. Все протоколы тройки ЗСК–НСО делятся на четыре основные категории, в соответствии с литерным обозначением: к – «кулаки», у – «уголовные элементы», без буквы – к ним относятся протоколы по «делу РОВС» и другим крупным «организациям» («ТКП», «монархическо-эсеровская», «кадетско-монархическая», «Союз спасения России», мусульманская и др.) К безлитерным относятся также многочисленные протоколы Сиблага. Отдельную – четвертую – категорию представляют протоколы с литерой «л» – очевидно, «линейные» («национальная операция»), которые характерны только для второй половины 1938 г. «Ровсовские» протоколы в основном фигурируют до середины октября 1937 г., в период деятельности тройки ЗСК. В последующие месяцы упоминание собственно «дела РОВС» имеет меньшую периодичность. Сравнение конкретного содержания литерных и безлитерных протоколов позволяет установить определенную логику НКВД, по которой группы арестованных распределялись по разным литерным потокам. В то же время эта логика выдерживается недостаточно строго, что, вероятно, было связано с возможностями местных УНКВД проявлять собственную инициативу. В протоколах «к», «у» и безлитерных часто переплетаются однородные социальные группы; некоторые группы привязаны к соответствующей литере явно искусст-

³⁵ О масштабах безлимитного осуждения «ровсовцев» тройкой в Западной Сибири пишут Н. Г. Охотин и А. Б. Рогинский в примечаниях к сборнику документов «Трагедия...» Т. 5. Кн. 1. С. 597 (сноска 40).

³⁶ Протоколы хранятся в архиве УФСБ по НСО в виде нескольких десятков томов, содержащих вторые (иногда и третьи) экземпляры с подписями членов тройки. Каждый протокол сопровождается небольшой сводной таблицей с указанием оперсектора НКВД, представлявшего дела на тройку. Здесь же отмечены общее количество и виды приговоров, включенных в данный протокол, а также подписи лиц печатавших постановления, проводивших «сверху отметок с постановлением и установочными данными с следделами» и подписи ещё шести работников – печатавших «выписку», «приказание», «сверявших выписки с протоколами» и «сверявших приказание». Всего таким образом – 8–9 подписей. Тома с протоколами архивной нумерации не имеют. Более подробно см.: *Панков С. А.* Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., РОССПЭН, 2009. С. 746–784

венно. Например, в протоколы категории «к» («кулаки») включены томские ссыльные дашнаки (№ 51/2-к от 25.10.1937) и «контрреволюционная нелегальная национал-социалистская организация, созданная германскими разведывательными органами» (№ 79/11-к от 07.12.1937). В отличие от них «вредительская мусульманская организация Гаскери-Уешма проходит по безлитерному протоколу (№ 80/17 от 08.12.1937).

Протокол № 1 тройки ЗСК датирован 9 июля 1937 г. В этот день были утверждены первые приговоры в отношении 157 чел. – членов так наз. «монархическо-эсеровской организации» (РОВС) из бывших офицеров (подполковник И. П. Максимов, штабс-капитан К. Л. Логинов, штабс-капитан князь А. А. Гагарин и др.). В течение месяца тройка интенсивно выносила массовые вердикты, в среднем по 50 человек за одно заседание, и к 1 августа 1937 г. общее число приговорённых составило 980 чел.

Порядок вынесения приговоров постепенно вырабатывался в ходе самой процедуры рассмотрения дел. Какое количество дел можно было представлять на одно заседание? Как выносить приговоры лицам, не признавшим своей вины? Как вообще добиться максимального ускорения работы тройки при возрастающем потоке дел? – такие вопросы возникли уже в ходе первых заседаний тройки УНКВД ЗСК. Согласно свидетельским показаниям одного из работников НКВД, затруднения первых дней заставили внести важные коррективы в работу тройки в Новосибирске³⁷. После нескольких заседаний начальник УНКВД Миронов и его заместитель Мальцев категорически потребовали прекратить представлять на тройку дела «не сознавшихся кулаков». В течение нескольких заседаний дела «не сознавшихся» снимались с рассмотрения и направлялись «на доследование», а докладчикам строго указывалось подобные дела не представлять. Вслед за этим было запрещено представлять на тройку дела «одиночек». Как показывал вышеназванный свидетель: «Через короткое время дела на локальные группы тоже на тройку не допускались, а периферийные органы, которые представляли такие следственные дела, обвинялись в бездеятельности, в нежелании вести борьбу с контрреволюцией». От местных работников НКВД стали требовать представление дел лишь на «организованную контрреволюцию» с большим чис-

³⁷ Показания бывшего оперуполномоченного Кемеровского горотдела НКВД З. М. Ключева от 21 января 1956 г. и 14 августа 1957 г. (Архив УФСБ по Кемеровской обл. Д. 193. Л. 68, 74; Д. 6364. Л. 78–79).

лом участников. «Такие следственные дела, – отмечал свидетель, – нравились членам тройки, и никто не интересовался тем, что дела представлялись сфабрированными [...] По повестке, которая готовилась в секретариате, мне как докладчику на тройке приходилось зачитывать фамилию, имя, отчество, год рождения и кратко прошлое арестованного. Этого было достаточно для членов тройки, чтобы вынести решение о наказании арестованного, не выслушивая состава совершённого им преступления. Тройки обычно заседали ночью. В течение ночи рассматривалось не менее 100–200 дел; большинству арестованных выносился смертный приговор»³⁸.

Собрание протоколов тройки ЗСК действительно отражает планомерную и какую-то необычайно кропотливую «работу», проводившуюся в недрах НКВД по отбору и систематизации жертв. Некоторые протоколы методично решают судьбу сразу 150-ти или 200 человек; другие посвящены всего одному или двум-трём арестованным. Статистика приговоров показывает, что до конца ноября 1937 г. темпы массовой операции в Западной Сибири (Новосибирской области) с участием тройки УНКВД имели равномерную динамику – примерно по 6.500 осуждённых в месяц. Но с декабря 1937 г. положение кардинально изменилось ввиду того, что руководство НКВД планировало в срочном порядке завершить кампанию по приказу № 00447. Масштабы «работы» тройки в этот месяц значительно возрастают; цифры отдельных протоколов приобретают беспрецедентный характер: только за один день – 25 декабря – были утверждены приговоры в отношении 1 359 чел., из которых 1 313 чел. подлежали расстрелу. Это было больше, чем приговорила тройка УНКВД по Омской области за весь месяц³⁹. А 28 декабря активность тройки вылилась просто в фантастические формы: в течение этого дня были утверждены приговоры в отношении 2 021 чел., из них 1 687 чел. – к расстрелу. Общий же результат последнего месяца 1937 г. составил 9 520 осуждённых, из них – 8 245 чел. приговорено к ВМН.

С протокола № 46 от 13 октября 1937 г. тройка ЗСК стала именоваться тройкой по Новосибирской области (в связи с упразднением края и образованием области). Но новый её статус повлек за собой незначительные перемены. Хотя тройка переориентировалась на более узкую территорию (без районов отошедших к Алтайскому краю), но продол-

³⁸ Архив УФСБ по Кемеровской обл. Д. 6364. Л. 79.

³⁹ См.: Самосудов В. М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1939 гг. Омск, 1998. С. 162.

жала действовать в том же составе (Мальцев – с августа 1937 г., Эйхе, Барков) и с прежней интенсивностью, не прерывая нумерации своих протоколов. Со второй половины октября 1937 г. часть материалов бывшей тройки УНКВД ЗСК (выделившихся районов) начала поступать в новое управление НКВД по Алтайскому краю, а 30 октября состоялось первое заседание тройки УНКВД по Алтайскому краю, получившей лимит от Политбюро на расстрел 4 000 чел. и осуждение 4 500 чел.⁴⁰

С июля 1937 по март 1938 г. тройками НКВД в регионах Сибири были вынесены приговоры десяткам тысяч арестованных (см. табл. 4). Данные протоколов тройки УНКВД Новосибирской области позволяют проследить особенности каждой фазы крупнейших операций 1937–1938 гг. – «кулацкой» и «РОВС» (см. табл. 5).

Таким образом, декабрь 1937 г. оказался апогеем массовых операций. На этой стадии произошло не только резкое увеличение общего числа приговорённых жертв, но и резкое ужесточение в применении расстрелов – с 31,5 % в ноябре – до 86,6 % в декабре. В январе 1938 г. в деятельности тройки НСО происходит спад активности почти в 10 раз. Лихорадка в рассмотрении дел и вынесении приговоров прекратилась. Однако тенденция к наибольшему применению расстрелов закрепилась ещё прочнее: к смерти приговаривались теперь почти все фигуранты, попавшие на тройку.

Таблица 4*

Статистика приговоров троек НКВД в Сибири на 1 января и 1 марта 1938 г. (операции по «РОВС» и приказу № 00447)

Область (край)	На 1 января 1938 г.				На 1 марта 1938 г.			
	Всего арестовано	Всего приговорено тройкой	В том числе приговорено к:		Всего арестовано	Всего приговорено тройкой	В том числе приговорено к:	
			расстрелу (1 категория)	заключению (2 категория)			расстрелу (1 категория)	заключению (2 категория)
Зап.-Сибирский край	22 108	22 108	18 530	3 578	25 916 **	25 876	21 300	4 576
Новосибирская обл.	21 358	21 358	8 351	13 007	22 562	21 358	8 351	13 007
Алтайский край	10 897	10 897	5 500	5 397	12 183	12 183	5 638	6 545

⁴⁰ Трагедия... Т.5. Кн.1. С. 383.

Омская обл.	17 054	17 054	11 050	6 004	17 054	17 265	11 250	6 015
Красноярский край	9 747	9 680	5 289	4 391	9 747	9 680	5 289	4 391
Иркутская обл.	8 317	5 914	3 076	2 838	8 626	9 439	6 095	3 344
Бурят-Монгольская АССР	2 536	2 536	1 150	1 386	2 670	2 717	1 275	1 442
Читинская обл.	6 365	3 415	2 370	1 045	10 780	7 635	5 261	2 374
Сиблаг НКВД	-	1 204	1 204	-		***		
Норильлаг НКВД	-	400	400	-				
Итого по Сибири:	98 382	94 566	56 920	37 646	109 538	106 153	64 459	41 694
Всего по СССР:	577 749	575 470	257 782	317 688	632 156	638 348	291 956	346 392

*Составлено по: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 387–393; Т. 5. Кн. 2. С. 56–61.

**В сводке НКВД СССР данные по операции РОВС приведены вместе по Новосибирской обл. и Алтайскому краю, образованным в октябре 1937 г. из районов упраздненного Запсибкрая.

***Данные о приговорённых тройками УНКВД по лимитам лагерей входят в количество приговорённых соответствующих УНКВД, на территории которых находятся лагеря (прим. док-та.).

****Так в сводке НКВД СССР: число приговорённых тройками превышает число арестованных. Такой результат (превышение более чем на 6 тыс. чел.) является следствием включения в протоколы троек заключенных лагерей, которых уже не требовалось учитывать как арестованных.

*Таблица 5**

Статистика приговоров троек УНКВД ЗСК–НСО 1937–1938 гг.
(по месяцам)

Месяц и год	Приговорено тройкой		Процент приговорённых к ВМН
	Всего	в т. ч. к ВМН (1 категория)	
Октябрь (с 07.10.37)	6 572	2 804	42,7
Ноябрь 1937	6 494	2 044	31,5
Декабрь 1937	9 520	8 245	86,6
Январь 1938	972	914	94,0
Февраль 1938	2 231	2 052	92,0
Март 1938	3 915	3 610	92,2
Апрель 1938 (до 13.04.1938)	255	224	87,8
Всего на 13 апреля 1938 г.:	29 959	19 893	66,2

*Составлено по протоколам тройки УНКВД ЗСК–НСО (Архив УФСБ по НСО).

Чтобы превратить тройки в безжалостную машину уничтожения, её руководителям – начальникам УНКВД – были предоставлены такие полномочия, которые по сути ликвидировали всякую коллегиальность: в разгар операции начальники стали единолично выносить массовые приговоры. В Сибири этим исключительным правом наиболее энергично пользовались Мальцев и Малышев. Так, 8 марта 1938 г. Мальцеву пришлось вести расследование в шахтерском городе Прокопьевске, где на одном из динамитных складов произошел взрыв 75 тонн взрывчатки. По приказу Мальцева по подозрению в подрыве склада были арестованы «не менее 250 кулаков». Следствие продолжалось в течение двух-трех суток, а затем, как свидетельствует очевидец, «Мальцев в единственном лице прямо в вагоне рассмотрел дела, и всем арестованным была определена мера наказания»⁴¹.

После 13 апреля 1938 г. (протокол № 115/1-к) тройка НСО приостановила свои заседания – последовали две затяжные фазы её бездействия. Первая продолжалась более четырех месяцев (с 13 апреля по 21 августа); вторая – около месяца (с 23 августа по 19 сентября). Между этими паузами тройка провела лишь одно заседание – 22 августа 1938 г., – в ходе которого было утверждено 38 приговоров (35 – к ВМН) по делу «шпионско-церковно-монархической повстанческой организации» (протокол № 117/1-проч.). Это – единственный протокол с таким необычным обозначением, указывающим, вероятно, на рассмотрение дел «прочих» после того как «кулацкая операция» была завершена. К этому времени состав тройки уже полностью сменился: вместо Миронова и Эйхе (оба были отозваны в Москву) её членами стали Горбач, Мальцев и секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев. 14 марта 1938 г. член тройки прокурор Барков был арестован, а спустя месяц покончил с собой в ходе чекистского следствия. Вместо него в состав тройки вошёл облпрокурор И. Д. Новиков. Но осенью 1938 г. Новиков тоже вынужден был покончить с собой (застрелился). В качестве временных членов тройки НСО в 1938 г. фигурировали также прокуроры Старостенко и А. В. Захаров, заместители начальника УНКВД А. С. Ровинский и Н. Х. Мелехин (застрелился в апреле 1939 г.). Полное обновление составов троек произошло и в других регионах Сибири.

В сентябре 1938 г. после временного перерыва тройки возобновили свои заседания. Согласно постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от

⁴¹ Архив УФСБ по Кемеровской области. Д. 6364. Л. 85. Показания З. М. Клюева.

15 сентября 1938 г.⁴² они должны были завершить важный цикл массовых операций – рассмотреть дела и вынести приговоры арестованным до 1 августа 1938 г. «по контрреволюционным национальным контингентам», в соответствии с приказами НКВД СССР №№ 00485, 00439 и 00593 за 1937 г. и №№ 302 и 826 – за 1938 г. Политбюро давало указание «закончить работу в 2-месячный срок» и «решение особых троек по первой категории приводить в исполнение немедленно». Так началась заключительная фаза истории троек, совпавшая с проведением очередной кампании известной как «национальная» (или «линейная») операция.

К своим заседаниям тройка вернулась 19 сентября 1938 г. (протокол № 119/л), возобновив массовый поток приговоров представителям национальных меньшинств. К казни и заключению в лагеря теперь приговаривались немцы, поляки, латыши и другие «агенты иностранных разведок» группами от 40 до 160 человек. Практически все приговоры были вынесены во второй половине сентября и в октябре. Всего за этот период подготовлено 99 протоколов на несколько тысяч человек. Последний протокол тройки НСО – № 215/л – датирован 2 ноября 1938 г. В нем зафиксированы приговоры в отношении трех человек (эстонцев) – «участников шпионско-диверсионной повстанческо-фашистской группировки».

Основная часть драматической истории троек НКВД завершилась в ноябре 1938 г., с выходом постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Постановление провозглашало новый курс в советской карательной политике, заключающийся в переходе (в очередной раз) от методов массовых чисток к традиционному правосудию. От имени Молотова и Сталина, подписавших этот документ, вводился запрет на «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению»; одновременно НКВД поручалось «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции»⁴³. Из органов внесудебного рассмотрения постановление сохранило лишь Особое совещание при НКВД, положение о котором было утверждено в Политбюро ЦК ВКП(б) незадолго до этого –

⁴² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. – М., 2004. С. 549; Трагедия... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С. 251.

⁴³ Трагедия... Т.5. Кн. 2. С. 307–311.

8 апреля 1937 г.⁴⁴ Как инструмент специфического назначения, Особое совещание по-прежнему могло пользоваться правом выносить приговоры к высылке на срок до 5 лет или тюремному заключению до 8 лет. Таким образом, после ноября 1938 г. сфера квазисудебного правосудия отчасти должна была существенно сузиться, а по приговорам к высшей мере наказания (расстрелу) – исчезнуть совсем.

Разрыв с политикой массового террора не означал, однако, что политическое руководство полностью отказывается от осуждённой практики и повсеместно переходит к восстановлению традиционных следственных и судебных процедур. Как обычно, реальный советский процесс в правовой сфере имел двойственную природу: с одной стороны, сталинская политика официально отстаивала линию на возрождение значения и роли закона, но в то же время режим не мог решительно порвать с принципом «политической целесообразности» и эпизодически продолжал практику тайных операций НКВД подобно 1937–1938 гг. После завершения Большого террора в структурах карательной системы, вероятно, ещё оставались небольшие группы «антисоветских элементов», с которыми НКВД не успел покончить в своё время, и потому должен был вернуться к прежней методике, чтобы поставить окончательную точку. Немногочисленные, но заслуживающие доверия источники дают нам неоспоримые свидетельства того, что в отдельных регионах страны органам НКВД пришлось в спешном и строго конспиративном порядке завершать процедуру, начатую в период деятельности внесудебных троек, но прерванную постановлением 17 ноября 1938 г. Важным доказательством в этом отношении могут служить показания бывшего подполковника МВД П.М. Курбатова, полученные от него в июле 1956 г. в управлении КГБ СССР по Красноярскому краю в ходе расследования дел о нарушениях закона в сталинскую эпоху. Эти необычные показания заслуживают того, чтобы привести их в подробном изложении⁴⁵.

Как показывает Курбатов, в 1937–1938 гг., возглавляя 5-е отделение секретно-политического отдела УНКВД Красноярского края, он принимал активное участие в расстрелах арестованных в тюрьме г. Красноярска, а в 1939–1940 гг. возглавлял городской отдел НКВД в Игарке. Следователя КГБ интересовал как раз период 1939 г. и он поставил перед ветераном НКВД следующий вопрос – производились ли

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 10. Л. 1–2.

⁴⁵ См.: Архив УФСБ по Красноярскому краю. Д. П-11066. Л. 384–389. Показания П. М. Курбатова от 3 июля 1956 г.

аресты советских граждан в это время? Курбатов отвечал: «В период моей работы в г. Игарке в 1939 г. руководимым мною отделом было арестовано примерно около одной тысячи человек. (...) В основном арестовывались административно-ссылные, на которых имелись агентурные данные или же показания других арестованных. Показания арестованных поступали в горотдел из Красноярска, Мурманска, Архангельска и Ленинграда».

Тогда следователь поинтересовался:

– Кто судил арестованных вами граждан в г. Игарке?

И тут Курбатов в деталях стал прояснять вопрос о том, какого рода «правосудие» царило в горотделе НКВД в 1939 г. «Все законченные следственные дела, – рассказывал он, – я направлял в г. Красноярск в УНКВД, где по ним выносилось соответствующее решение. Затем шифрованной телеграммой из Красноярска мне передавалось решение по делам, и я эти решения приводил в исполнение. Расстрелы арестованных производили в комнате горотдела, где ранее был Ленинский уголок. Под полом комнаты силами сотрудников горотдела была вырыта большая яма глубиной 7-8 метров. В эту яму складывали трупы убитых. В расстрелах принимали участие: я, Толстихин, Абрамов, Зарубин и Сеницын. Я лично присутствовал при всех расстрелах. Расстрелы арестованных производились в летнее время 1939 г., когда круглые сутки было светло... В Ленинской комнате расстреливать было удобно, так как из жителей никто этого не видел и не слышал. Расстреляно мною, а также Толстихиным, Абрамовым и другими было много, но сколько – я сейчас вспомнить не могу».

Следователь опять задал вопрос относительно судебной процедуры:

– Кем именно выносились решения по делам арестованных?

Курбатов отвечал: «В Игарке никого из числа арестованных горотделом не судили. В Игарке такого судебного органа не было. Законченные дела я направлял в Красноярск, где в отсутствие арестованных по делам принимали решения. Как я помню, в шифрованных телеграммах указывалось, что такой-то арестованный решением тройки УНКВД Красноярского края или Особого совещания НКВД СССР приговорён к расстрелу. Я эти решения с подчиненным мне аппаратом приводил в исполнение».

Следователь вновь захотел уточнить показания, касающиеся троек, и спросил:

– Как известно, тройки были ликвидированы постановлением правительства в 1938 году. Уточните, каким судебным органом выносились решения по вашим делам?

Курбатов отвечал по-прежнему: «Я не помню, когда именно были ликвидированы тройки, но хорошо помню, что в летнее время 1939 года мне из Красноярска сообщали, что арестованные осуждены тройкой НКВД или Особым совещанием. Вот всё, что я могу показать по данному вопросу».

Свидетельство Игарского начальника, несомненно, выходит за рамки общеизвестных оценок той политики, которая официально утвердилась в стране в отношении троек. Тут вполне очевидно, что и самому экзекутору до конца не было известно о механизме вынесения приговоров, поэтому в этой части нет полной ясности. Но самый важный аспект в его показаниях – указание на сроки совершения тайных массовых расстрелов – 1939 год. Очень трудно допустить, что чекист Курбатов, впервые получивший в этот год назначение на самостоятельный ответственный пост – начальника горотдела НКВД – мог перепутать события в годах. В этом факте он твёрдо убеждён. Поэтому его показания на закрытом следствии в КГБ имеют статус ценного свидетельства относительно того, какой характер носили операции НКВД после 1938 г. Сведения Курбатова ясно указывают, что Красноярскому управлению НКВД, как подразделению весьма специфического региона СССР, давалось особое задание для продления программы «очистки» предшествующего периода: Игарский «медвежий угол» был вполне подходящим местом (вроде Катынского леса) для скрытого исполнения этой задачи. Иначе говоря, постановление правительства от 17 ноября 1938 г. имело относительную силу и применялось в структурах НКВД в той мере, какая необходима была для полного завершения массовых операций предшествующего периода. Рассчитывая покончить с какими-то особыми категориями арестантов, режим предпочёл в обход закона тайно уничтожить их, не оставляя следов. И внесудебное рассмотрение дел должно было получить здесь последнее применение.